Для цитирования: Головин М. С. Теоретические аспекты и дискурсивная практика праворадикальной идеологии в политических процессах современной Европы // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 29—40. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-29-40.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-29-40

УДК 32.019.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ПРАВОРАДИКАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

Головин Михаил Сергеевич,
Челябинский государственный университет,
ассистент кафедры политических наук
и международных отношений,
Российская Федерация, 454084,
г. Челябинск, пр. Победы, 162в.
E-mail: golovin.mihail@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются основные подходы к понятию «правый радикализм» в современной отечественной и зарубежной политической науке. Кроме того, на примере идеологического дискурса крайне правой Британской национальной партии показано то, как акторы политических процессов используют идеологию в рамках политической борьбы.

Цель. Проследить специфику конструирования националистического дискурса праворадикальных политических сил в современной Европе (на примере Британской национальной партии) и сформулировать авторское определение понятия «правый радикализм».

Методы. В статье используются сравнительный и историко-ретроспективный методы, позволяющие комплексно рассмотреть феномен правого радикализма, а также дискурсивный анализ программного текста политической партии, что способствует лучшему пониманию особенностей конструирования дискурса данных акторов политических процессов.

Научная новизна исследования. В работе произведен комплексный анализ понятия «правый радикализм» в контексте политических процессов современной Европы, а также предложено авторское определение рассмотренного феномена.

Результаты. Из обширного научного наследия, посвященного вопросам правого радикализма, идеологии и функционированию праворадикальных политических партий были отобраны несколько подходов, представленных как в отечественной, так и в зарубежной политической науке, позволяющие максимально комплексно раскрыть сущностные основания такого понятия как «правый радикализм». Кроме того, в результате дискурс-анализа программного документа Британской национальной партии были обозначены моменты, являющиеся ключевыми для националистического дискурса современной европейской праворадикальной партии.

Выводы. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что понятие «правый радикализм» является одним из самых дискуссионных в современной политической науке и актуальность его исследования, учитывая реалии современной политики, не вызывает сомнений. Также анализ программного документа одной из старейших крайне правых партий Европы показывает, что идеологический дискурс формируется из различных составляющих, и, используя различные методики, исследователь может подробно разобрать его конструкцию, поняв, каким образом политические силы формируют этот дискурс в рамках политической борьбы.

Ключевые понятия:
правый радикализм,
правый экстремизм,
Великобритания,
Британская национальная партия,
националистический дискурс,
Европейский союз.

Введение

Согласно ряду исследований, динамика публикаций книг и статей в научных журналах по тематике правого радикализма такова, что если в начале XXI в. в год в среднем выходило не более 50 научных публикаций по теме, то к середине 2010-х гг. этот показатель находился на уровне 180—200 работ, посвященных так или иначе проблематике идеологии и политических действий праворадикальных организаций [12, p. 2]. Кроме того, в своей статье итальянский исследователь Мануэла Кайяни указывает на некоторую дихотомию, существующую среди авторов, занимающихся этим вопросом. С одной стороны, в работах по соответствующей проблематике делался акцент на политических партиях, выборах и электоральном поведении (например, работы таких известных исследователей, как Э. Картер и П. Игнаци), не слишком много внимания уделяя той среде, в которой праворадикальные идеи находят свою поддержку. С другой стороны, как подчеркивает М. Кайяни, исследователи социальных движений до некоторого времени пренебрежительно относились к правому радикализму (исключение, пожалуй, составляют такие крупные ученые как М. Минкенберг и К. Мадде), относя его к области научных изысканий специалистов по терроризму и политическому насилию, и отдавая предпочтение в выборе объекта своих исследований радикализму левому [12, p.2].

Методы и материалы

В рамках настоящей статьи автором будут проведены параллели между сущностным наполнением концепта «правый радикализм», происходящим в ряде «классических» и современных работ по этой теме, и дискурсивной практикой некоторых праворадикальных партий Европы в контексте электорального роста данных организаций и актуализации соответствующей повестки в современном мире. Сравнительный анализ, историко-ретроспективный и дискурсивный анализ, используемые в исследовании, способствуют комплексному анализу рассматриваемого феномена, позволяют понять особенности конструирования идеологического дискурса праворадикальными политическими партиями в современном мире.

Теоретические подходы к понятию «правый радикализм»

Стоит отметить, что в современной зарубежной политической науке сформировались две группы исследователей, выступающих с обоснованием понятий «правый радикализм» и «правый экстремизм» в отношении рассматриваемых в данной работе политических организаций.

Ряд зарубежных исследователей в своих работах обосновывает применение понятия «правый радикализм»: в этой связи можно назвать фамилии таких ученых, как М. Минкенберг, Г. Китчелт, К. Мадде. Некоторые же исследователи предпочитают использовать понятие «правый экстремизм» (П. Игнаци, П. Хейнсворт, Р. Итуэлл, Э. Картер). Ряд ученых считают оба термина синонимами (например, известный британский исследователь Р. Гриффин). Перед тем как подробнее рассмотреть точки зрения на исследуемую проблему некоторых авторов, стоит отметить, что в целом выделяется ряд общих позиций, по которым указанные авторы аргументируют свою точку зрения [2, с. 119—120]. Первая группа ученых обосновывают свою позицию следующим образом:

1) изучаемый феномен не сводится только к политическим партиям и их программам; его базис включает не только организованные группы, но также воззрения и ориентиры населения; понятие «экстремизм» ограничено лишь организованными группами;
2) на сегодняшний момент термин «правый радикализм» достаточно широко используется в научной литературе и ассоциируется именно с современными крайне правыми идеологиями;
3) «правый радикализм», в отличие от «правого экстремизма», не обладает таким сильным негативным значением, а также в меньшей мере используется для делегитимации своих оппонентов.

Что касается второй группы ученых, то они мотивируют использование термина «правый экстремизм» следующем образом:

1) само слово «экстремизм» ассоциируется с нелегальным характером деятельности крайне правых партий;
2) термин «правый экстремизм» ориентирует ученого на изучение именно политической природы исследуемого явления.

Необходимо отметить, что аргументация первой группы исследователей представляется наиболее убедительной и, что важнее, более точно отражает природу современных праворадикальных политических партий. Действительно, через многие исследования этого вопроса красной нитью проходит мысль о легальности и нелегальности подобных организаций. И здесь, в отличие от понятия «экстремизм», которое закреплено в юридической литературе как явление, влекущее за собой уголовное наказание, и, следовательно, уже выходит за рамки легального поля политики, «радикализм» — более широкий феномен. Словом, можно быть радикальным по отношению *к чему-то или кому-то в определенной системе*, но экстремистская направленность деятельности *противопоставляет себя всей системе*, выходя за её рамки. Например, по отношению к консерваторам или лейбористам в Британии евроскептики (Партия Независимости Соединенного Королевства) занимают радикальную позицию по ряду вопросов, но не отрицают всей системы, того легального политического пространства, в котором они действуют. Однако, как показывает практика, дискурс подобных организаций может радикализироваться, актуализируя некоторые моменты, которые на данном этапе социально-политических процессов имеют, по мнению правых политиков и идеологов, особое значение.

Одним из исследователей, которые изучают правый радикализм как современный феномен и подробно рассматривают его природу, является уже ставший классиком в этой сфере немецкий исследователь М. Минкенберг. В своей работе «Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения и среды» немецкий ученый прослеживает этапы эволюции праворадикальной идеологии, останавливаясь на некоторых примерах более подробно, проводя сравнительный анализ. В контексте настоящего исследования интересно то, какие особенности рассматриваемой идеологии выделял автор и, конечно, то определение, которое он сформулировал в ходе своего анализа.

Проанализировав работу [5, с. 16—32] М. Минкенберга, можно выделить несколько основных тезисов немецкого политолога, отражающих природу такого явления, как «правый радикализм»:

1) правый радикализм является современным феноменом, который возник в процессе модернизации западных обществ во второй половине XX в.; по мнению ученого, попытки некоторых исследователей установить связь между современным правым радикализмом и классическим фашизмом (и в целом правыми идеологиями межвоенного периода) являются малооправданными;
2) М. Минкенберг отмечает своего рода необъятность этого явления в научной литературе («26 предлагаемых дефиниций правого радикализма, 58 определяющих его критериев» [5, с. 18]);
3) немецкий ученый в своей работе дает также и своё определение правого радикализма, которое, на наш взгляд, весьма категорично. Итак, правый радикализм М. Минкенберг определяет как «политическую идеологию, базирующуюся на *ультранационалистических представлениях* и направленную *против либеральной демократии* (с её индивидуализмом и универсализмом) и её основных ценностей — свободы и равенства. Ультранационалистическое ядро праворадикального мышления — в заострении критериев национальной принадлежности (этнических, культурных или же религиозных), в сведении их к представлениям о коллективной гомогенности и в соединении этих представлений с авторитарными политическими моделями». Это определение, пожалуй, достаточно точно передает природу современного правого радикализма. Действительно, крайне правые часто критикуют представителей либерально-демократической системы за то, что интересы народа — австрийского, французского, британского и т. д. — в недостаточной мере представлены в органах власти; кроме того, правые националисты часто инициируют референдумы и предлагают как можно чаще решать вопросы на местном уровне;
4) интересно, что в своей работе немецкий исследователь разделяет правый радикализм на 3 группы — три уровня: партии, движения, малые группы. Критерий такой классификации весьма прост — от готовности участвовать в парламентской борьбе до насильственных методы борьбы. И сегодняшняя политическая реальность, необходимо отметить, подтверждает это теоретическое заключение: на самом деле есть праворадикальные политическое партии, которые

в рамках легального политического пространства участвуют в конкурентной борьбе за власть; если говорить о движениях, то самый яркий пример последних нескольких лет — движение ПЕГИДА, представители которого мобилизуются по отдельным поводам и не ставят для себя цели участия в предвыборной борьбе; и, наконец, те политические группы, которые в своей деятельности применяют насильственные методы — по сути, это те самые правоэкстремистские силы, о которых шла речь выше. Таким образом, М. Минкенберг в одно понятие «правый радикализм» укладывает все возможные проявления правых националистических настроений;

5) кроме того, выделяется три различные фазы правого радикализма во второй половине XX в.: первая фаза — конец 1940-х — 1950-е гг. — маккартизм в США, остатки нацистских партий в Германии и фашистских в Италии; вторая фаза — 1960-е — начало 1970-х (например, Национальный фронт в Великобритании); третья фаза — 1980—1990-е годы, когда, собственно, праворадикальные партии стали демаргинализироваться, т. е. утверждаться как акторы легального политического процесса во многих странах Западной Европы.

В целом немецкий исследователь отмечает важное отличие «старых» правых радикалов от «новых»: если в межвоенный период в программах подобных партий содержались пункты, призывающие к установлению авторитарных и тоталитарных режимов, то ничего подобного сегодня уже нет. Как мы уже формулировали выше, правые радикалы сегодня настроены на *изменение системы внутри самой системы, а не посредством её уничтожения.* Однако представляется странным, что, критикуя некоторых ученых, которые проводят аналогии между правыми межвоенного периода и современными крайне правыми (пункт 1), М. Минкенберг в 5-м пункте, выделяя три фазы правого радикализма, сам апеллирует к крайне правым 1940-х годов, так называемым остаткам нацистских и фашистских партий. Таким образом, в его теории наблюдается некоторая непоследовательность в заключениях, что, конечно, не сильно снижает её теоретическую значимость. Далее, ссылаясь на работу ещё одного известного исследователя фашизма и правого радикализма — Р. Гриффина, М. Минкенберг говорит об идеальном политическом режиме правых радикалов как об этнократии. Следовательно, можно заключить, что, согласно теории немецкого ученого, цель правых радикалов состоит в том, чтобы преобразовать сегодняшнюю либеральную демократию в режим, при котором больше преимуществ получает национальное большинство, а не различные этнические и национальные меньшинства. Здесь стоит отметить, что анализ политических программ некоторых европейских крайне правых партий подтверждает этот тезис М. Минкенберга (что будет более наглядно продемонстрировано в завершающей части работы, в которой будут проанализированы программные документы Британской национальной партии).

Так как в задачи данного исследования не входит подробный анализ истории праворадикальных партий во всех европейских странах, то относительно работы М. Минкенберга стоит добавить, что он отмечает следующую тенденцию: «Праворадикальные партии и движения сильнее всего в тех странах, где им удалось в ходе модернизации общества модернизировать и собственную идеологию и политическую стратегию (отказ от фашизма и расизма), приспособиться к сложившимся политическим структурам и, исходя из присущих этим странам специфических националистических традиций, создать собственный политический профиль и найти опору в обществе» [5, p. 27]. И результаты выборов различных уровней подтверждают данное утверждение: и во Франции, и в Австрии, и в Великобритании (пожалуй, эти три примера являются самыми наглядными в этой связи), а также в ряде стран как Западной, так и Восточной и даже Южной Европы (недавние успехи крайне правых в Италии и в Испании) сегодняшний успех праворадикальных политических партий объясняется, кроме всего прочего, и тем, что за всю историю существования крайне правые партии в этих странах изменяли свою идеологию, трансформировали свой дискурс исходя из социально-политического контекста и таким образом окончательно закрепились как влиятельные акторы политических процессов. Здесь, правда, стоит добавить, что большой ошибкой было бы считать однотипной ту модель формирования, эволюции и особенностей националистического дискурса и в целом идеологии правого радикализма, которую можно наблюдать во всех вышеуказанных странах и регионах. Безусловно, специфика этого отлична как на региональном (Западная Европа, Восточная Европа, Южная Европа), так и на национальном уровнях и

это важно помнить, чтобы в исследовании правого радикализма как идеологии и праворадикальных партий как влиятельных акторов политических процессов не попасть в ловушку унификации и не свести всё к какому-то универсальному для всех стран и регионов развитию историко-культурных и социально-политических процессов.

Ещё одним немецким исследователем правого радикализма, который внес существенный вклад в разработку этого понятия, является Г. Китчелт (работа «Правый радикализм в Западной Европе»). Как отмечает отечественный политолог И. И. Гончаров, монография Г. Китчелта стала «классическим сравнительным исследованием крайне правых партий» [3, с. 218—220]. В своей работе немецкий ученый делает несколько выводов, согласно которым успех праворадикальных партий зависит от ряда компонентов:

1) развитие капиталистического постиндустриального общества;
2) глубокие противоречия между лево-либертарными и право-авторитарными избирателями;
3) стремление основных партий к центру, стратегическое сближение их идеологических оснований.

Кроме того, важнейшей характеристикой, «формулой успеха» крайне правых Г. Китчелт называет сочетание в их идеологии «про-рыночных идей» (pro-market position) в экономике с авторитарными установками в культурном измерении [13, p. 19]. Работа, в которой ученый выдвигал такое утверждение, была написана более 20 лет назад и, конечно, несмотря на свою непреходящую актуальность как классики исследований правого радикализма, полностью согласиться в этом вопросе с Г. Китчелтом сложно, ибо за последние годы многие ведущие крайне правые партии Европы (например, французский «Национальной фронт» или, что более показательно, Австрийская партия свободы) отошли от радикально рыночных установок в экономике (это было больше свойственно крайне правым партиям в 1980-х — начале 1990-х гг.) и всё больше вводят в свою повестку идеи, с помощью которых можно привлечь на свою сторону традиционный электорат т. н. «левых» партий. В качестве такой идеи можно назвать концепцию «welfare chauvinism», согласно которой социальные блага и льготы от государства вполне приемлемы, если они распределяются среди «своих» граждан, то есть тех, кто принадлежит к национально-культурному большинству, является «истинным» французом, австрийцем, британцем и т. д.

Из перечисленного же выше особо стоит отметить тезис Китчелта, крайне актуальный в контексте сегодняшнего политического процесса — тезис о стратегическом сближении основных партий, централизации их идеологических постулатов с целью достижения больших электоральных успехов. На этом фоне и крайне правые, и крайне левые политические организации часто оказываются предпочтительнее для обычного избирателя, заявляя о своей более радикальной и бескомпромиссной позиции. И, несмотря на всевозможные коалиции и переговоры представителей двух больших партийно-политических лагерей — правоцентристов (консерваторов) и левоцентристов (социал-демократов), представителям праворадикальных партий всё чаще удается добиваться успеха в рамках электоральных процессов, а иногда даже и участвовать в формировании правительственной коалиции, как это произошло в 2017 г. в Австрии.

Также, рассматривая природу правого радикализма, нельзя ни коснуться той трактовки, которую дал этому явлению бельгийский специалист К. Мадде. Основа идеологии праворадикальных партий, согласно К. Мадде, — «сочетание нативизма, авторитаризма и популизма» [8, с. 143]. Три этих компонента расшифровываются следующим образом: 1) нативизм — исключающий национализм, т. е. ситуация, при которой «не-коренные элементы» являются угрозой однородному национальному государству; 2) авторитаризм — это жестко организованное общество + «карательный консервативный морализм»; 3) популизм — дихотомия «народного» и «элитарного», политика должна представлять собой реализацию народного волеизъявления. Анализируя те компоненты правого радикализма, которые были предложены бельгийским ученым, отметим следующее:

1) нативизм действительно имеет место в программах праворадикальных партий (в качестве «не-коренных элементов» чаще всего представляются иммигранты-мусульмане и ислам как чуждая европейской цивилизации религиозная и культурная идентичность);
2) что касается авторитаризма, то здесь акцент, пожалуй, стоит сделать на двух вопросах: во-первых, сами праворадикальные партии представляют из себя строго иерархичную структуру,

во главе которой зачастую стоит харизматичный авторитарный политик; во-вторых, стоит отметить наличие того, что Мадде назвал «карательным консервативным морализмом» — действительно, риторика праворадикальных партий насыщена постулатами о том, что необходимо бороться с аморальностью, которая сегодня наличествует в обществе, с упадком религиозности и с разрушением традиционной семьи (особенно на фоне высокой религиозности, а также высокой, по сравнению с европейцами, рождаемости среди представителей «чужих») и т. д.;

3) третий пункт не так очевиден, ибо в последние годы противопоставление «элит» и «масс» в риторике крайне правых снизилось во многом по причине того, что сами правые радикалы, во-первых, активно участвуют в электоральных процессах, а во-вторых, пытаются войти в число представителей этих самых «элит», чтобы быть непосредственно причастными к принятию тех или иных решений; в данном случае, наверное, корректнее будет говорить об активной агитации правых радикалов за как можно большее число референдумов, инициируемых «снизу» (наиболее яркий пример — инициативы правых в Швейцарии, касающиеся вопросов, связанных с иммиграцией)[1]. Однако, конечно, тот факт, что крайне правые выступают от лица «народа» — рядового австрийца, немца, француза — никуда не исчезает. К примеру, одной из главных идеологических основ праворадикальной Австрийской партии свободы уже на протяжении двух десятилетий является защита «маленького человека», рядового австрийца, которому противостоят интересы крупных корпораций, т. е. тех, кто входит в политическую и экономическую элиты [10, p.2].

Таким образом, и Г. Китчелт, и К. Мадде, руководствуясь различным методологическим инструментарием, выделяют важнейшие признаки идеологии правого радикализма, которая лежит в основе крайне правых политических партий, рост электоральной популярности которых можно наблюдать в последние годы.

В контексте рассмотрения эволюции, которую прошел правый радикализм, а также тех этапов, в течение которых соответствующие партии становились влиятельными игроками на политическом поле, интересной представляется работа аналитика Центра европейских исследований А. С. Хрисогелоса. В своей статье он выделяет 4 фазы [9, p. 76—79] эволюции идеологии правого популизма и радикализма в современной Западной Европе:

1. Фаза 1: 1980-е гг. — подъем новых крайне правых и материализация популистского потенциала. Основные черты этой фазы характеризуются переходом от «периода стабильной демократии» к подъему правопопулистских партий. Исследователь отмечает, что именно в этот период праворадикальные партии смогли перестроить свой имидж, отказавшись от своих идеологических предшественников. Можно констатировать, что именно в это время началось становление того националистического дискурса, которым пользуются крайне правые сегодня — именно в 1980-е гг. в идеологии этих партий на первое место вышли темы критики иммиграции, коррупционных элит, далеких от «простого народа», а также указание на моральный кризис западного общества.
2. Фаза 2: 1990-е гг. — новый правый радикализм укрепляется и расширяет свой потенциал. Особенностями второй фазы в плане идеологии является добавление в её составляющие евроскептицизма, который не был так актуален в эпоху «холодной войны». Кроме того, происходит расширение электоральной базы праворадикальных партий: начиная с 1990-х гг. крайне правых поддерживает и та часть электората, которая традиционно голосовала за «левые» партии — молодежь и рабочие. Это объясняется тем, что в новых социально-экономических условиях правые радикалы расширяли свою идеологическую базу, акцентируя вопросы законности, социальной обеспеченности «коренного» населения, сохранения суверенитета и собственной культуры.
3. Фаза 3: 2000-е гг. — политика идентичности и протекционизм. Одним

[1] См. например: Швейцарцы на референдуме запретили строить в стране минареты // Newsru.com. URL: http://www.newsru.com/world/29nov2009/ref.html; Швейцария инициировала референдум об ограничении миграции из стран ЕС // Взгляд. URL: http://vz.ru/news/2014/2/6/671420.html.

из основных вопросов, на котором крайне правые стали выстраивать свой политический дискурс, явился вопрос глобализации: кто проиграл, а кто выиграл от этого процесса. В этот период, как отмечает А. С. Хрисогелос, крайне правые окончательно отходят от неолиберализма в экономике. В этом контексте к традиционной анти-иммигрантской повестке добавилась тема незащищенности людей в условиях открытой экономики, т. е. в условиях, при которых государство в неё не вмешивается. Однако в 2000-е наблюдается некоторый спад электоральной популярности крайне правых в силу трансформаций их идеологии. В качестве иллюстрации, пожалуй, можно привести пример Австрийской партии свободы, которая после успеха 1999 г., на протяжении первой половины 2000-х гг. теряла популярность и только приход нового лидера, а также изменения в программных документах партии в силу новой социально-политической обстановки способствовали новому подъему партии как на национальном, так и на общеевропейском уровне; самый же свежий пример — трансформация дискурса Партии независимости Соединенного Королевства после ухода Н. Фарраджа с поста лидера партии в 2018 г.

4. Фаза 4: 2010-е гг. В условиях экономического кризиса, который переживала Европа в начале 2010-х гг., стало ещё отчетливее проявляться противопоставление крайне правых, их идеологии и умеренных политических сил, на протяжении десятилетий составлявших основу политических систем в ряде западноевропейских государств.

В целом крайне правые партии противопоставляют свою повестку всей устоявшейся системе и выступают как «третья сила», которая в контексте экономического кризиса и проблем европейской интеграции получают шанс на успех, который смог бы изменить всю партийно-политическую систему, существующую в странах Западной Европы. В этой связи А. С. Хрисогелос делает вывод о необходимости консолидации умеренных политических сил для изменения политики в странах ЕС и в конечном итоге для того, чтобы вернуть интерес общества к традиционной партийно-политической системе и снизить рост влияния праворадикальных политических партий и их идеологии на граждан европейских государств.

Некоторые отечественные исследователи предпринимают попытку вычленения основных элементов праворадикальной идеологии, основываясь на анализе программных документов некоторых крайне правых партий. Например, исследователь А. В. Махова выделяет 23 идеологических аспекта [4, с. 117—118]. Рассмотрев данный список, можно сгруппировать перечисленные в её работе элементы идеологии правого радикализма в четыре больших блока:

1) социальный шовинизм (или «welfare chauvinism», то есть социальные пособия и льготы только для представителей «своих», «титульной» нации);
2) резко антииммигрантский дискурс в культурно-цивилизационном аспекте;
3) «традиционные ценности» (религия, семья);
4) евроскептицизм (как в политическом, так и в экономическом аспектах).

Как можно заметить, перечисленные А. В. Маховой элементы праворадикальной идеологии пересекаются с теми, что выделяли некоторые зарубежные исследователи. Единственное, стоит добавить, что при всем удобстве выделения общих черт в идеологии праворадикальных партий существует и ряд особенностей, свойственных каждому конкретному случаю. Не стоит забывать, что мы говорим о правых националистических организациях, которые ставят национальное (а оно у каждой нации «своё», служащее идентификацией в противопоставлении «чужому») в основу своей идеологии. Они — в большей степени, нежели правоцентристы и тем более представители «левых» партий — апеллируют к национальным традициям и, в конечном итоге, к своим национальным мифам. Это является одной из причин того, что до определенного времени крайне правые были неспособны создать обширную коалицию в рамках Европейского парламента.

Рассуждая о таком феномене, как правый радикализм, применительно к современным политическим процессам, нельзя обойти вниманием следующий нюанс: помимо понятий «правый радикализм» и «правый экстремизм» в отношении данных обозначенных выше партий и движений также используется такое понятие, как «правый популизм». Безусловно, анализ данного явления заслуживает отдельного исследования, однако в контексте настоящей работы мы не можем обойти его вниманием

и сделаем акцент на дискурсивной природе этого феномена относительно политических процессов в современной Европе.

Феномену правого популизма посвящено большое количество научной литературы, а само понятие «популизм» является одним из самых дискутируемых в политической науке. В частности, достаточно емкое и точное определение популизму дает отечественный исследователь Г. И. Мусихин, трактовавший популизм как «фрагментарную идеологию, которая ограничена логикой собственного использования, но, тем не менее, формирует определенный набор представлений, взаимодействующих с мыслительными конструкциями традиционных целостных идеологий» [6, с. 150—151]. Главной мыслью ученого, на наш взгляд, является идея о том, что в условиях современного мира целостная идеология не может пользоваться успехом у большого количества граждан того или иного государства. Популизм же — правый или левый — в своих построениях использует базовые фрагменты каких-либо традиционных идеологий с целью привлечения большего количества населения на свою сторону. Таким образом, популизм в современном мире, в котором в обществе всё больше растет скепсис в отношении традиционных идеологий, всё чаще становится электорально привлекательным в различных государствах: от Латинской Америки до Европы. Что же касается непосредственно правого популизма, который часто ставят в один ряд с исследуемым нами в данной работе правым радикализмом, то особо интересным представляется подход к анализу этого феномена, разработанный исследователем Рут Водак, охарактеризовавшей дискурс и идеологию праворадикальных партий как «политику страха» — метафора, послужившая названием для её научного труда [1].

В частности, в своей работе Р. Водак выделяет несколько элементов правопопулистского дискурса, являющихся как инструментом, так и выражением той идеологической основы, на которую опираются крайне правые организации непосредственно в современной Европе [1, с. 139—140]. Для того чтобы более наглядно проиллюстрировать теорию Р. Водак, было решено в качестве примера взять программу Британской национальной партии «Настоящий Национализм», выпущенную несколько лет назад и, на наш взгляд, являющуюся образцом классического праворадикального манифеста. Тем более что почва для электоральной привлекательности праворадикальной идеологии в британском обществе существует. Как отмечает в своем исследовании М. Гудвин, по данным социологических исследований, проведенных в 2012 г., 41 % респондентов готовы были голосовать за партию, которая призывает ограничить иммиграцию в Британию; 55 % — за партию, которая бы выступала за приоритет традиционных британских ценностей над остальными, и 37 % респондентов обозначило свою готовность голосовать за ту политическую силу, которая бы предлагала сократить численность мусульманского населения в Британии, а также влияние ислама на британское общество [11]. И стоит отметить, что уже спустя 2 года, на выборах в Европейский парламент 2014 г., другая крайне правая партия Британии — Партия независимости Соединенного Королевства — одерживает победу, что лишь подтвердило гипотезу о росте популярности националистических, антииммигрантских настроений в британском обществе.

Переходя непосредственно к труду Рут Водак, отметим, что исследователь выделяет 6 особенностей, связанных с риторикой крайне правых (изложим их к краткой форме) [1, с. 140]:

1) правые популисты фокусируются на гомогенном народе/демосе, апеллируя к нативистическим (кровное родство) критериям;
2) правые популисты делают акцент на «исконной нации», которую нужно защитить от чужаков, «Нас» от «Них»;
3) вера в общий нарратив о прошлом, где «Мы» либо герои, либо жертвы сил зла;
4) заговоры как неотъемлемая часть дискурсивного конструирования страха и риторики правых популистов;
5) одобрение правыми популистами традиционных, консервативных ценностей и моральных принципов;
6) необходимость в харизматичном лидере и откровенно упрощенные объяснения и решения; пестование иерархического принципа организации.

Исследователь замечает, что данные особенности в известной степени генерализация, однако в целом идеологический профиль большинства правых популистских партий содержит перечисленные характеристики.

Националистический дискурс Британской национальной партии: специфика конструирования

Начиная рассмотрение текста манифеста «Настоящий национализм» [7], мы уже буквально во втором предложении встречаемся с проявлением 4 пункта предложенной Р. Водак концепции, а именно с обвинением «кого-то Другого» в преднамеренном замалчивании разговоров на тему национальной идентичности. Дословно в тексте это звучит так *(курсив здесь и далее — М. Г.)*:

«***What does it mean to be British?*** *There's even greater confusion over this now than ever — and it's quite deliberate». («Что это значит — быть британцем? Сейчас в этом много непонятного — больше, чем когда-либо, и это достаточно преднамеренно.)*

Далее, после достаточно нериторических вопроса и утверждения, следует как введение ответ, в котором говорится следующее: «подконтрольные» (кому, чему?) медиа и СМИ таким образом освещали Олимпийские игры, что изображали иммигрантов необычайно талантливыми и привлекательными, используя всё это для формирования антинациональной и направленной против национальной идентичности повестки дня. Далее следует необыкновенно откровенное заявление, отсылающее нас одновременно к 1, 2 и даже к 6-му пункту концепции Р. Водак, а именно:

«Что же, самое время *провести линию* и *просто объяснить*, что *нация — это нечто большее*, чем собрание людей, *которым случилось жить в одном и том же месте* и иметь отношение к одной мелодии, когда они выиграли медали». *(«So it's a good time to draw a line in the sand and explain in simple terms that a nation is much more than a collection of individuals who just happen to live in the same place and have the same tune played if they win medals».)*

«Провести линию», «просто объяснить» и, конечно, трактовка нации как чего-то большего, чем сообщества людей, которые живут на одной территории и гордо стоят с медалями, когда звучит их гимн, — всё это отличительные черты правого радикализма как идеологии и правого популизма как риторики соответствующих организаций. Четкое разделение на «своих» — хороших — и «чужих» — плохи — примордиалистская, нативистическая трактовка нации и стремление «просто» всё объяснить ярко характеризуют БНП как носителя и выразителя крайне правого националистического дискурса. В пункте 5 Рут Водак, в принципе, не открывает тайны, говоря о том, что вечным спутником риторики крайне правых являются слова о семейных/традиционных/консервативных ценностях. И конечно, подобные положения есть и в этой статье. В разделе «Что такое нация?» прямым текстом говорится следующее:

«Представители нации неизменно являются носителями одного и того же языка, истории, ценностей и культуры, включая традиции и народные празднования». («The members of a nation in variably also share the same language, history, values and culture — including traditions, and popular entertainment».)

Таким образом, в очередной раз отсекаются все «чужие», которые, может быть, и являются представителями нации по месту рождения, но по «крови» — они олицетворение Другого. Ниже в этой части статьи повествуется об «общих корнях», о людях, которые сделали многое, чтобы превратить «широкую массу» в людей с общей национальной идентичностью; кроме того, есть интересная отсылка к отождествлению нации и семьи, в которой все, особенно в трудные времена, должны помогать друг другу:

«Это чувство родства объединяет население (особенно в непростые времена) как гигантскую семью, члены которой имеют особое право на помощь, если они в ней нуждаются, а также обязаны помогать другим представителям их нации, которые заслуживают этого». («This sense of kinship brings the population together (especially at times of hardship) as a giant extended family, whose members under stand they have a special right to help if they need it, and a duty to help other members of their nation who deserve it».)

Полное отвержение конструктивистской природы нации мы видим во второй главке данной статьи, в которой аргументируется следующее утверждение:

«Хотя представители нации живут под властью одного правительства, нация и государство — это не одно и то же». (While the members of a nation often live under one government, the nation and the state are not the samething.)

Поясняя это незамысловатое предложение, авторы статьи говорят о том, что «живое существо» под названием «нация» должно как помнить о героях своего прошлого, так и не забывать о будущих поколениях (в отношении будущих поколений применяется словосочетание «священные обязанности»). Интересно отметить, что, в отличие от классических фашистов времен Бенито Муссолини, современные крайне правые

считают, что не государство создает нацию, а нация выбирает ту форму правления, которая будет наиболее удобной для её выживания:

«Государство — это только форма правления, которую нация выбирает, и которая, на данный момент времени, наилучшим образом подходит для неё, а также для её дальнейшего выживания». («The state is merely the form of government which the nation chooses, for the time being, as best for it and for its future survival».)

Словом, нация есть продукт истории, который имеет многовековые традиции и, она посредством определенных механизмом, создает то государство, которое будет для него более удобным. В следующем разделе, посвященном культуре и названном «People create a culture, not the other way around» / «Люди создают культуру, а не наоборот», британские крайне правые играют, что называется, на грани фола, отсылают читателя к исследованиям генетики человека, поясняя, что нельзя говорить о том, что одна группа лучше другой, но доказано, что человеческие популяции различны. В силу этого обстоятельства, а также своих убеждений, в тексте статьи появляется следующее утверждение:

«И если большое число африканцев приедет в Британию, то ни английский воздух, и ни факт рождения в Англии никогда не смогут сделать их или их потомков англичанами». («And if large numbers of Africans come to Britain, breathing English air or even being born in England can never make them or their descendants English».)

Авторы статьи не желают останавливаться и, взывая к новейшим исследования ДНК, хоронят «старую левацкую ложь навсегда» *(«the latest DNA science has buried the old leftistlies for good»*). Продолжая, они отсылают читателя к событиям 17 000 и 9000-летней давности, что, вне всяких сомнений, подтверждает тезис о нативистической природе дискурса правых радикалов.

Пятый раздел текста «Настоящий национализм» посвящен критике «леволиберальных разговоров» о многообразии, а также марксистского и капиталистического подхода к вопросу иммиграции. По мнению авторов статьи, именно такой взгляд на проблему убивает этническое, лингвистическое и культурное разнообразие, а интеграция мигрантов ведет к «разрушению отдельных наций». Далее приводится рецепт того, как и в каком количестве возможна ассимиляция иммигрантов, чтобы это не стало угрозой для коренного населения.

В завершающей части статьи «Real Nationalism» подводятся своеобразные выводы на тему национальной идентичности британцев и по вопросу «Что есть Британия?»: акцент сделан опять-таки на многовековой истории и традициях британского народа, показанного в самом лучшем свете, а также на тех «подарках Человечеству», которые преподносила Британия миру на протяжении всей своей истории.

Заключение

Таким образом, на примере рассмотренной программной статьи мы видим, что те особенности риторики правых популистов, которые выделила исследователь Р. Водак, отчетливо имеют место. Все шесть особенностей, обозначенные ученым, нашли свои иллюстрации в тексте под названием «Настоящий Национализм», являющимся, по сути, националистическим кредо одной из известнейших правых партий Европы, пусть даже сейчас она и не оказывает того влияния на ход политического процесса, как раньше.

Подводя итоги можно отметить, что, проанализировав несколько теоретических конструкций, рассматривающих природу правого радикализма как идеологии и как дискурса конкретных партий, можно заключить: при наличии отличий в подходах к этому явлению указанные исследователи выделяют ряд характеристик правого радикализма, по которым существует определенный консенсус в научном сообществе.

Безусловно, в современной политической науке существует не один десяток определений такого понятия, как «правый радикализм». Проведенный анализ позволяет очертить контуры этого многосоставного явления и сформулировать авторское определение идеологии праворадикальной политической партии, которое бы, на наш взгляд, наиболее полно и в то же время лаконично отражала суть исследуемого феномена. Таким образом, в самых общих чертах можно определить *правый радикализм как политическую идеологию, которая основывается на пестовании принципов этнократического государства и моноэтнического устройства общества, неприемлемости различных мультикультурных практик, а также акцентирует приоритет традиционных консервативных ценностей в условиях современной либеральной демократии и продолжающихся глобализационных процессов*.

1. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? : пер. с англ. Харьков : Гуманитарный Центр, 2018.

2. Гаврилов А. В. Правый радикализм: современные трактовки // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 1.

3. Гончаров И. И. Современные теоретико-методологические подходы к изучению праворадикальных партий Западной Европы // Молодой ученый. 2009. № 11. С. 218—220. URL: http://www.moluch.ru/archive/11/858 (дата обращения: 04.02.2020).

4. Махова А. В. Праворадикальная идеология в Западной и Восточной Европе в начале XXI века: опыт сравнительного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. Вып. 2. С. 117—118.

5. Минкенберг М. Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения и среды // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 2. С. 16—32.

6. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологии. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013.

7. Настоящий национализм. URL: https://bnp.org.uk/real-nationalism (дата обращения: 04.02.2020).

8. Шеховцев А. В. Новый правый радикализм: к вопросу об определении // Вісник СевДТУ. 2008.

9. Chryssogelos A.-S. The evolution of the 'populist potential' in European politics: from new right radicalism to anti-system populism // European View. 2013. Vol. 12. Iss. 1. P. 76—79. URL: http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12290-013-0249-3 (дата обращения: 04.02.2020).

10. Carter E. The Extreme Right in Austria: an overview // Extreme Right Electorates and Party Success. 2001.

11. Goodwin M.J. Forever a false dawn? Explaining the Electoral Collapse of the British National Party (BNP) // Parliamentary Affairs. 2014. № 67. URL: http://pa.oxfordjournals.org/content/early/2013/01/16/pa.gss062.full.pdf+html (дата обращения: 04.02.2020).

12. Caiani M. Radical right-wing movements: Who, when, how and why? // Sociopedia.isa. URL: http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/RadicalRightMovements.pdf (дата обращения: 04.02.2020).

13. Golder M. Far-right parties in Europe // Annual Review of Political Science, 2016. Vol. 19. P. 19. URL: http://mattgolder.com/files/research/arps.pdf; https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-polisci-042814-012441 (дата обращения: 04.02.2020).

References

1. Vodak R. (2018) Politika straha. Chto znachit diskurs pravyh populistov? Harkov, Gumanitarnyj Centr [in Rus].

2. Gavrilov A.V. (2013) *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, vol. 1 no. 1 [in Rus].

3. Goncharov I.I. (2009) *Molodoj uchenyj*, no. 11, pp. 218—220. Available at: http://www.moluch.ru/archive/11/858, accessed 04.02.2020 [in Rus].

4. Mahova A.V. (2013) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Filosofija, kul'turologija, politologija, pravo, mezhdunarodnye otnoshenija*, iss. 2. pp. 117—118 [in Rus].

5. Minkenberg M. (2004) *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 16—32 [in Rus].

6. Musihin G.I. (2013) Ocherki teorii ideologii. Moscow, Izdatelskij dom Vysshej shkoly jekonomiki [in Rus].

7. Nastojashhij nacionalizm. Available at: https://bnp.org.uk/real-nationalism, accessed 04.02.2020 [in Rus].

8. Shehovcev A.V. (2008) *Visnik SevDTU* [in Rus].

9. Chryssogelos A.-S. (2013) *European View*, vol. 12, iss. 1, pp. 76—79. Available at: http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12290-013-0249-3, accessed 04.02.2020 [in Eng].

10. Carter E. (2001) The Extreme Right in Austria: an overview // Extreme Right Electorates and Party Success [in Eng].

11. Goodwin M.J. (2014) Forever a false dawn? Explaining the Electoral Collapse of the British National Party (BNP) // Parliamentary Affairs 67. Available at: http://pa.oxfordjournals.org/content/early/2013/01/16/pa.gss062.full.pdf+html, accessed 04.02.2020 [in Eng].

12. Caiani M. (2017) Radical right-wing movements: Who, when, how and why? //*Sociopedia.isa*. Available at: http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/RadicalRightMovements.pdf, accessed 04.02.2020 [in Eng].

13. Golder M. (2016) *Annual Review of Political Science*, vol.19, p. 19. Available at: http://mattgolder.com/files/research/arps.pdf; https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-polisci-042814-012441, accessed 04.02.2020 [in Eng].

For citing: Golovin M.S. Theoretical aspects and discursive practice of the right-wing ideology in the political processes of modern Europe // Socium i vlast'. 2020. № 2 (82). P. 29—40. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-29-40.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-29-40

UDC 32.019.5

THEORETICAL ASPECTS AND DISCURSIVE PRACTICE OF THE RIGHT-WING IDEOLOGY IN THE POLITICAL PROCESSES OF MODERN EUROPE

Mikhail S. Golovin,
Chelyabinsk State University,
Teaching Assistant of the Department Chair of Political Science and International Relations,
The Russian Federation, 454084,
Chelyabinsk, prospect Pobedy 162 V.
E-mail: golovin.mihail@mail.ru.

Abstract

Introduction. The article discusses the main approaches to the concept "right radicalism" in modern Russian and foreign political science. In addition, the author shows how actors in political processes use ideology in the framework of political struggle as exemplified by the ideological discourse of the far-right British National Party. The aim of the study is to trace the specifics of constructing the nationalist discourse of the right-wing political forces in modern Europe (using the example of the British National Party) and formulate the author's definition of the term "right-wing radicalism".

Methods. The author uses comparative and historical-retrospective methods to comprehensively consider the phenomenon of the right-wing radicalism, as well as discourse analysis of a political party's text, which contributes to a better understanding of the features constructing the discourse of these actors in political processes.

Scientific novelty of the study. The work provides comprehensive analysis of the concept "right radicalism" in the context of political processes of modern Europe, the author suggests his own definition of the phenomenon considered.

Results. From the vast scientific heritage devoted to issues of the right-wing radicalism, ideology, and functioning of right-wing political parties, the author choses several approaches presented in both domestic and foreign political science, which makes it possible to disclose essential ideas of the "right-wing radicalism". In addition, as a result of the discourse analysis of the British National Party program document, the author identifies the main points that are key to the nationalist discourse of the modern European right-wing radical party.

Conclusions. As a result of the study, we can conclude that the concept "right radicalism" is one of the most debatable in modern political science and the relevance of its study is not in doubt. The analysis of the program document of one of the oldest extreme right-wing parties in Europe shows that ideological discourse is formed from various components and, using various methods, the researcher can analyze its structure in detail, understanding how political forces form this discourse within the framework of the political struggle.

Key concepts:
right radicalism,
right extremism,
the United Kingdom,
British National Party,
nationalist discourse,
European Union.